

И.И. Макурин

РЕФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

В статье рассматриваются вопросы частной собственности на землю в России. Исторически права собственности формировались прежде всего как права на землю. Именно качество развития институтов частного владения земельной собственностью и разделяет невидимой чертой многие страны сегодняшнего многополярного мира, в том числе и Россию. Прослеживается степень влияния социальных установок и взглядов, а также конкретных действий российского исторического и современного правящего класса в контексте существования института частной собственности в нашей стране. По мнению автора, именно влияние отечественного правящего класса является исторически определяющим для функционирования частной собственности в России.

Ключевые слова: *частная собственность на землю, реформы собственности, правящий класс, экономический кризис.*

Keywords: *private property to land, property reforms, ruling class, economic crisis.*

Применительно к России сегодняшний экономический кризис слишком опрометчиво увязывать с крахом либеральной модели развития. В нашем случае мы сталкиваемся с иными факторами, в какой-то мере обусловленные причинами социокультурного и исторического порядка. Либеральные реформы, к сожалению, не привели к тем результатам, которые были обозначены на уровне деклараций. Дело в том, что российские реформаторы 1990-х гг., морально осудив коммунизм и всеобщую коллективизацию собственности, не создали необходимых правовых механизмов, призванных юридически закрепить право собственности для основной массы населения

нашей страны. Собственность, как и до октябрьского переворота, по прежнему принадлежит крайне ограниченному кругу лиц. На сегодняшний момент это всего лишь около миллиона человек, начиная от олигархов и заканчивая последним «ларечником» где-нибудь на Чукотке. Разрыв между первыми и вторыми в обладании собственностью, степенью доступа к ней и возможностью легальной защиты ее еще более громаден, чем разрыв между бедными и богатыми. В то же время основная масса населения страны обладает только морально и физически устаревшими приватизированными квартирами и дачными участками (даже не в каждом случае надлежащим способом оформленными, чтобы по праву считаться собственностью).

Таким образом, либеральные реформы носили в большей степени поверхностный, декларативный характер, не затрагивая тех основ, что были характерны как для многих традиционных обществ, так и для коммунистического государства. В том числе и на этой почве произрастают все те изъяны, что отчетливо проступили в кризисной ситуации: отсутствие стимулов к развитию, пассивность населения, низкая диверсификация экономики, сырьевая зависимость, неэффективность управления и т. д. Все это, по большому счету, можно смело отнести к пережиткам прошлого. Базисом такого пережитка, безусловно, является неравный доступ к обладанию собственностью, напрямую связанный с несовершенной, архаичной правовой инфраструктурой. Отсюда напрашивается необходимость в осуществлении реальных реформ существующей социально-политической системы, где главным вопросом должен стать вопрос о либерализации и рационализации права на обладание собственностью, об устранении для гражданина страны искусственных барьеров в реализации данного права. Чтобы данная инициатива не ассоциировалась со многими сомнительными моментами реформ 1990-х, ее можно условно обозначить как «реформу собственности». Именно она является ответом на популярный в антилиберальных кругах сценарий так называемого «мобилизационного развития», предполагающий возрождение тотального администрирования экономической жизни страны в духе советских времен.

Коротко говоря, реформа собственности — это предоставление равных возможностей обладания собственностью, равного доступа к ее увеличению и ее защите для *каждого законопослушного гражданина нашей страны*. Согласно своему замыслу, она должна изменить экономические и социальные институты нашего общества, произвести постепенную культурную трансформацию и затем создать предпосылки для модернизации политических институтов нашего общества, когда государство служит для удовлетворения интересов общества, а не наоборот. Иными словами, реформа собственности даст импульс к существенным социокультурным и даже антропологическим изменениям в российском обществе, что станет предпосылкой буду-

щего процветания и могущества России. Безусловно, на это уйдет немало лет. Возможно, даже несколько десятилетий. Хотя бы одно поколение должно родиться и достигнуть трудоспособного возраста в юридически оформленных рамках, чтобы принять такое положение вещей как традицию и *опыт*. Конечно, временные рамки не настраивают на оптимистический лад, но когда-то же начинать надо, и сегодняшний кризис — это самое лучшее время, когда правящий класс для своего комфортного существования, а, может быть, и для выживания, должен, и даже обязан — по примеру своих западных коллег — включить себя в демократическое правовое пространство и предоставить равные и конкурентные возможности обладания частью собственности, подчеркиваем — всего лишь частью, — *для основной массы населения* нашей страны.

Почему данную реформу необходимо начинать именно в условиях кризиса? Для начала уточним, что такое кризис. С экономической точки зрения, кризис — это радикальное сжатие ликвидности, т. е. невозможность обеспечивать свои обязательства текущим денежным потоком. К чему это ведет — к разрыву массы вертикальных и горизонтальных коммуникативных связей в обществе, сначала — экономических, затем — социальных, затем — культурных и политических. Кризис — это всегда переход к *иррациональному*, когда привычные конструкции и схемы перестают работать. Наступают предпосылки *хаоса*, недаром это состояние описывается в терминах так называемой «теории хаоса» с ее «точками флуктуации» и т. д. Далее неумолимо наступает ситуация, очень точно сформулированная В. Булдаковым: «Между тем смута невозможна без своего рода грехопадения власти» (Булдаков 2007: 81). Рассмотрим один из таких «грехов» — сознательное отчуждение российским правящим классом основной массы населения от собственности.

На протяжении как минимум двух столетий нам уже успели внушить мысль о нигилистическом отношении простого русского человека к обладанию собственностью, которое обычно преподносится как атрибутивная черта русской ментальности как таковой. Если регулярно просматривать социологические отчеты, касающиеся отношения нашего населения к частной собственности, то, независимо от названия агентства, проводившего опрос, ответы будут в большей мере примерно одинаковые: отношение к частной собственности, как правило, негативное, особенно если речь идет о владении землей. В сознании простого человека собственник обычно наделен негативными моральными чертами, часто он — вор или мошенник. И вообще, как полагают многие граждане нашей страны, быть одновременно богатым и честным невозможно.

Но есть и другая сторона, часто упускаемая нами из виду. Отвечая на вопросы типа: «Хотите ли вы, чтобы ваши дети стали предпринимателями

и владели собственностью?» — практически такое же количество людей отвечают утвердительно. Налицо очевидный парадокс, явная *иррациональность* оценок, отсутствие четких, логически выверенных смысловых связей с примесью нравственного релятивизма. Как такое могло произойти? Обратимся к истории вопроса.

В довольно редкой книге П.Б. Струве «Социальная и экономическая история России», вышедшей в Париже в 1952 г., читаем: «История восточных (русских) славян начинается для нас не с первобытного равенства и общинного быта, не с “демократии”, а с очень значительной, даже резкой социальной дифференциации ...» (Струве 1952: 48). Далее: «... основой всей русской экономической жизни являлось оседлое земледелие, которым управляли сильные и богатые люди, сидевшие в городах, но бывшие прежде и больше всего господами в веси-волости, т.е. над селом и деревней» (Там же: 49). В комментариях к «Русской правде» читаем: «Никаких следов территориальной “общины” с другим назначением, кроме судебно-полицейского, для раннего средневековья мы в наших памятниках не можем открыть. И, конечно уж не говорят наши источники о поземельной общине» (Там же: 70). Далее мы с удивлением узнаем, что в раннем и позднем русском Средневековье существовали все виды операций с собственностью: недвижимость и земля покупались и продавались, завещались и дарились, сдавались в аренду и в субаренду, закладывались и перезаклаивались. И хотя эти сделки совершались не часто, в основном не ради выгоды, а в целях обеспечения жизнедеятельности, тем не менее, определенная традиция была. В операциях купли-продажи на равных принимала участие даже церковь. К сожалению, исследование заканчивается периодом Ивана III, смерть автора помешала дальнейшему повествованию. Если внимательно изучить дальнейшую историю процесса вплоть до Великих реформ Александра II, то степень управления собственностью непрерывно совершенствовалась: вексель, банки, доверительное управление, стандарты международных гарантий и т. д. Производственные отношения в разрезе собственности в России, как мы видим, мало чем отличались от западных. За одним маленьким, но очень существенным исключением: все это касалось только очень узкого слоя людей — правящего класса, дворянства, да и там были постоянные провалы — и при Иване Грозном и при Петре I. Только манифест от 18 февраля 1762 г. «О вольности дворянства» гарантировал права собственности дворянам по праву рождения и владения. Через несколько десятков лет этого права с определенными ограничениями добились мещане и купцы. Русские крестьяне же, особенно со времен великого государственника Петра I, были, как бы это резко ни звучало для современных патриотов-государственников, на положении рабов. Право семейной собственности им было даровано, видимо, за труды праведные по укреплению великой империи, только при Ни-

колае I , но это право не касалось ни дворовых построек, ни скота, ни рабочего инвентаря. Отстояв Москву и взяв Париж, русский мужик, наконец, заработал право иметь свою личную, никем ни оспариваемую, нательную рубаху, крест, посуду да деревянные лавки.

Как указывает В. Булдаков: «В свое время народнический писатель Г. Успенский отмечал, что так называемый общинный коллективизм базировался на формуле “повинуйся и повелевай” — крестьянин терпелив и деспотичен одновременно» (Булдаков 2007: 70).

Русское крестьянство было «утоплено» в передельной общине — в этом гениальном, по продолжительности во времени, изобретении русской государственной бюрократической мысли. Разбор мифа о «природной органичности» общины русскому человеку — не тема данной работы, но тот факт, что вплоть до начала XX в. город жил по писаным законам, а деревня продолжала жить по обычаю, свидетельствует о гигантском ценностном, культурном разрыве в русском обществе. «Так, “Временными правилами о волостном суде” от 1889 года предусматривалось, что этот суд должен “судить по совести”... Внутридеревенские отношения регулировались почти исключительно обычным правом, и только отношения крестьян с другими сословиями — писаным законом. Получалось, что народная юстиция, существенно расходившаяся с законом, решала 80% всех дел у 80% населения империи» (Миронов 2008: 76).

Казалось бы, такие отношения трудно вписать в рамки политической рациональности. Однако с политической точки зрения здесь все как раз предельно рационально — просто крестьяне не имеют собственности и поэтому не подсудны обычному суду. Писаному гражданскому суду подсуден только гражданин, а он обязательно должен быть собственником. Таковы были законы, кстати, по тем временам, — совершенно европейские. Далее: «...крестьянство накануне отмены крепостного права работало в году 135 дней и на помещика, и на себя, и больше не работало. Причем крестьянская община следила за тем, чтобы все крестьяне соблюдали установленные обычаем праздники. Нарушителей могли избить и поломать их рабочий инвентарь» (Там же: 69). Далее: «Крепостное право было оборотной стороной слабого развития индивидуализма, рациональности в поведении, народного понимания свободы, недостатка самоконтроля и дисциплины» (Там же: 72).

Реформа 1861 г. освободила крестьян от дворян-землевладельцев и слила с другой полусвободной категорией тягловых работников — государственных крестьян. Но за свою полусвободу крестьяне должны были заплатить так называемые «выкупные платежи». Причем дворяне в некоторых случаях могли эти платежи и увеличивать. Государство гарантировало эти выплаты через принцип круговой поруки все той же общины. Реформа не только не определила, возможен ли переход крестьянина в другое сословие, но и четко

не разграничила собственность общины, двора, работника. И все это проходило под флагом «Великого освобождения». Допустим, с выкупными платежами понятно: государство гарантировало главным собственникам — дворянам — незыблемость права собственности через оплату этой собственности. В этом оно, безусловно, было право. Но почему крестьянин, заплатив выкуп, не становился свободным человеком и не мог обладать частной собственностью, не мог быть в полной мере гражданином, соответствующим тем очень передовым законам, принятым в эпоху реформ? Почему даже в не передельных общинах (а таких было довольно много) крестьянин не мог обладать частной собственностью? Опять кажущаяся нелогичность. На самом деле все логично, все рационально — если мы рассмотрим ситуацию с политической точки зрения. Дело в том, что правящая бюрократия не могла расстаться со своей любимой и такой безотказной «игрушкой», как община с ее круговой порукой — и в налогах, и в рекрутчине, и в прочих удобствах для власти. Если почитать речи государственных мужей того времени в защиту общины, а еще позже — речи Победоносцева на эту тему, то даже современный коммунистический оппозиционер покажется «правым уклонистом». В России никогда не меняется одно — стремление правящей бюрократии в любой исторический период *упростить* для себя управление вверенным ей народом и территорией.

Как же вел себя в пореформенный период наш правящий класс, дворяне, все эти Раневские и Обломовы и прочие владельцы «механического пианино»? Безусловно, невозможно представить Россию без дворянской культуры и особого патриархального уклада и быта «дворянских усадеб». Но ведь это только часть правды, а вот другая: «Поместному дворянству избыточное сельское население, доходившее в ряде мест Европейской России до 75% всего трудоспособного населения, доставляло немало выгод. Прежде всего оно позволяло поддерживать высокий уровень арендных цен на землю. <...> Из-за высокой арендной платы помещицья земля стоила значительно больше, нежели крестьянская. <... > Мысль о том, что переселение в Сибирь лишит их почти дарового крестьянского труда и понизит уровень земельных цен, приводила помещтных дворян в смятение» (Ильин 2006: 67). Это наблюдение касается времен задолго до Столыпинских реформ. Вот красноречивое высказывание Сергея Витте о тех же помещтных дворянах: «В течение 20 лет все подобные собрания кончались тем, что просили побольше давать им денег из Дворянского банка, как можно меньше брать с них платежей на занятые деньги, прощать недоимки и держать крестьян в полной опеке: не давать им ни общих судов (суды особые-волостные), ни общей администрации (земские начальники), ни уменьшать их выкупные платежи (это баловство) и проч.» (Там же: 172).

Давайте оценим, как должно нарастать разочарование в ожиданиях, как росло ощущение *иррациональности* происходящего для 80% населения

страны, и как все было логично и рационально для 5% правящего класса. Не похоже ли это на наши времена? Для полноты и ясности ощущений можно провести небольшую «деловую игру». Вводные исторические факты: только в марте 1903 г. была отменена круговая порука по выкупным платежам и сборам податей, а в августе 1903 г. отменены телесные наказания крестьян за налоговые недоимки. При этом общину вы можете покинуть только с согласия всего сельского общества. Хотелось бы отметить: до октябрьского переворота — всего 14 лет. Теперь игра: «отмотаем» от сегодняшнего дня (2010 г.) 14 лет, на дворе — 1996 г. Каждый из нас помнит это не самое простое время, только к тем трудностям прибавим нашу виртуальную ситуацию: вы работаете там, где вас застали перемены — кто на заводе, кто в редакции газеты, кто — в государственном учреждении или научном институте. Как бы вам ни платили на вашем рабочем месте, много или мало, как бы вы там себя ни чувствовали, комфортно или не очень — вы можете покинуть его только с одобрения всего коллектива и только в определенное время, например, поздней осенью. Если у вас есть взрослые дети, то они устраиваются работать только в ваш отдел вашего предприятия, причем их зарплата будет формироваться в том числе за счет отчислений от вашей зарплаты. Каждые 3-5 лет вас со всей вашей родней будут перебрасывать на другое рабочее место (передел), например: из горячего цеха в холодный, из отдела писем — в отдел новостей, из финансового отдела — в отдел «подотчетки». Более того, если кто-то из вашего многочисленного коллектива занял денег на стороне и не отдал, или задолжал государству по выплате подоходного налога, вам придется за него вносить свою «долю малую». Если же вы лично задолжаете, то вас будут пороть в Красном уголке в присутствии месткома и всех любопытствующих. Затем вам, по «Великому указу», разрешат уйти, и вы даже завербуетесь в Сибирь, и вам покажется, что сбылись ваши ожидания. Но затем «проклятые американцы» начнут бомбить Белград или Багдад, а вас наш воинственный премьер-министр отправит то ли в Осетию, то ли в Абхазию — воевать то ли за Багдад, то ли за Белград, то ли за Царьград. Представили? Давайте теперь с трех раз попытаемся угадать, за кого вы будете в 2010 г. (т.е. в 1917 г.) — «за большевиков» или «за коммунистов»?

Иррационально — да, но не вы же предложили такие правила игры, а их установил правящий класс, и эти законы казались его представителям совершенно *рациональными*, в то время как поделиться с вами всего лишь частью собственности им казалось *иррациональным*. Тогда неумолим следующий шаг — *хаос*, и все грехи будут оплачены.

У России был шанс — реформы Столыпина. В этой связи хотелось бы процитировать американского исследователя, профессора Нью-Йоркского университета Янни Коцониса, автора книги «Как крестьян делали отсталы-

ми»: «Предполагалось, что новые крестьяне-собственники полностью впишутся в единообразную систему кредита и сблизятся с другими сословиями благодаря своему праву использовать землю как залоговое обеспечение в кредитных операциях (с риском потерять ее в случае несостоятельности). <...> дворяне и крепко стоящие на ногах крестьяне будут владеть землей и распоряжаться ею на совершенно равных основаниях и условиях; понятие собственности получит, наконец, единую, понятную для всех формулировку. <...> Все это позволит преодолеть культурные барьеры <...> и сделает давно узаконенные сословно-патриархальные различия — безнадежно устаревшими» (Коцонис 2006: 161). Посмотрите, что дальше предлагал Столыпин (цитируем по речи, произнесенной 16 ноября 1907 г. в Государственной думе): «Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру и просвещение, и достаток. Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма».

Можно бесконечно ссылаться на столыпинские реформы, однако, не смотря на все усилия Столыпина и Кривошеина, народ до частной собственности на землю так и не допустили. Указ от 6 ноября 1906 г. окончательно покончил с крепостным правом и предоставил возможность самому крестьянину решать, хочет ли он находиться в общине или искать свою «птицу счастья» в других областях жизнедеятельности свободного человека. Это был действительно «День независимости» для 80% граждан нашей страны, поскольку обретение независимости было тогда что ни на есть реальное. По этому же указу и последующим актам, к началу Великой войны 2/3 крестьянских дворов (включая и переселенцев) выделили свою землю в отдельные наделы, а не менее 10% крестьян, по признанию большинства ученых, отселились на хутора (отруба), т. е. стали фермерами. Землю же всем этим крестьянам передали — заметьте — не в частную собственность, а в личную собственность с правом наследования близкими родственниками. Большинство наших граждан и даже большинство российских авторов, пишущих на эти темы, даже не понимают различий между этими понятиями. Напоминаем, частная собственность подразумевает полную ответственность за результаты своего труда, включая и потерю этой собственности, но и предоставляет право владельцу по собственному усмотрению и разумению использовать эту собственность или результаты ее эксплуатации. Личная собственность, в нашем случае, трактовалась как необходимость проведения всех операций с землей исключительно только крестьянами и только через Крестьянский банк, который по своему усмотрению (государственной необходимости) устанавливал правила финансовых

и земельных операций. Государственные землемеры и агрономы, в силу собственных представлений о необходимости, решали, что и где сажать, а затем и реализовывать — через систему кооперативов, которые были главными каналами получения государственных субсидий (последние, кстати, достигали 4% государственного бюджета). Хотелось бы напомнить, что речь идет о земле, которую крестьяне считали изначально, даже на метафизическом уровне, принадлежащей им и только им — «соли» земли Русской. Эта земля была выстрадаана деяниями, подвигами и лишениями десятков поколений русского тяглого сословия, и они ее стихийно считали собственной по *праву естественного владения*. Безусловно, русские крестьяне не читали Джона Локка, но они подписались бы под каждым словом этой пространной цитаты: «Закон, которому подчинен человек, скорее был в пользу присвоения. Бог приказал, и собственные нужды человека заставили его трудиться, и его неотъемлемой собственностью было все, к чему он прилагал свой труд. Как мы видим, подчинение земли человеческому труду или ее возделывание и владение ею связаны друг с другом. Одно давало право на другое. Таким образом, Бог приказал возделывать землю, давал тем самым основание для присвоения, а условия человеческой жизни, которые требуют труда и материалов для работы, по необходимости вводят частную собственность» (Локк 2009: 238).

Существующий порядок предусматривал только один способ обладания крестьянином частной собственностью на землю: верни дедовский надел Крестьянскому банку и, если у тебя есть деньги, купи на свободном рынке у помещика земли столько, сколько тебе хочется, и живи себе справно. И опять правящий класс считал это правильным и рациональным, обосновывая это темнотой и неразвитостью русского крестьянина, его неумением принимать рациональные решения. В Государственной думе и на Государственном совете даже дебатировался вопрос: распространяются ли на русских крестьян «всеобщие законы экономики» или они живут по особому уставу. Безусловно, после столетий рабства не могли все крестьяне за один сельхозсезон уподобиться немецким бургерам, но даже для справного мужика (главной надежде Столыпина), реально подтвердившего не за один год возможность рационально и эффективно вести хозяйство, право передачи личной собственности в частную предусмотрено не было. Опять революция ожиданий столкнулась с иррациональными идеологическими установками правящего класса. Поэтому в итоге и стал актуален лозунг (несмотря на все проценты личных владений) — «земля крестьянам», который в том числе и породил последующий Хаос. «Революционный взрыв — это всего лишь соединение традиции и утопии, на пике людского отчаяния и ничего более» (Булдаков 2007: 88). Как крестьяне, которые составляли более 80% населения страны, могли уважать чужую частную собственность, особенно соб-

ственность помещиков, если они *никогда ею не владели* и не обладали этим правом даже в теории.

Вот теперь, как нам кажется, мы и открыли «секрет» социологических опросов, почему большинство наших граждан «не любят» частную собственность, особенно частную собственность на землю. У них просто нет *исторического опыта* владения частной собственностью. Даже те, не самые многочисленные слои населения, которые ко времени октябрьского переворота накопили этот опыт: дворяне, интеллигенция, служащие, квалифицированные рабочие — «сгорели» в огне исторических потрясений XX в. и не смогли передать этот опыт в виде традиции следующим поколениям. Сегодня таким опытом обладает (и то не более полутора десятилетий) менее процента населения нашей страны. Откуда такой азарт в прожигании денег у богатых? В том числе и потому, что нет массового опыта наследования собственности. Почему у многих неплохо зарабатывающих людей сегодня небрежно оформлены квартиры и дачные участки? Только потому, что они в этом не видят практического смысла, поскольку не имеют опыта конвертации своей собственности в капитал, а, кроме того, нет спроса и нет инструментов реализации. Почему сотни тысяч людей в силу своих профессиональных обязанностей (экономисты) на работе ведут себя рационально, а в свои личные сбережения вкладывают в «МММ» или оформляют кредиты под немислимые проценты в банках, при молчаливом согласии государства? Здесь все, как описано у классиков: на работе — отторжение от труда, тебе не принадлежащего, а опыта управления своей собственностью нет.

Невозможно, находя в русском менталитете какие-то высшие проявления соборности, пытаться обнаружить в историческом, хозяйственном и жизненном укладе какие-то черты, которые бы указывали на наше природное презрение к деньгам и желание работать в коллективе. Нелепо на основании сомнительных философских спекуляций утверждать, будто «русская артель» спасет мир от ссудного процента. Еще подлее считать нас нацией «рабов», не способных оценить комфорт и выгоды рациональной организации жизни. Все это дается только через опыт поколений в делах управления частной собственностью. Если говорить в этом случае о нашей уникальности, то она заключается скорее в отсутствии такого опыта. Например, в Восточной Европе, даже в пределах Российской империи, массовая частная собственность была распространена достаточно широко, а к 1945 г., ко времени прихода Сталина, и укоренена. Поэтому одно поколение правления коммунистов не убило эту традицию и опыт. Даже в Китае, где коммунисты пришли к власти в 1949 г. и реформы Гоминдана не успели дать своих плодов — традиция и опыт не успели забыться, а реформы Дена начались на юге, последнем оплоте «буржуазных националистов». Даже на Украине (забудем сейчас антирусскую риторику), в западной ее части, нет раскола в обществе

по вопросам частной собственности. Причина проста: коммунизм там утвердился только с 1950-х гг. Возможно, именно по той же причине в странах Восточной Европы нет проблемы деления общества на «красных и белых».

В нашей стране коммунисты правили более двух поколений — весь опыт и традиция управления и владения частной собственностью были «вытоптаны» и забыты. Наша правящая элита (в том числе и интеллектуальная) имела опыт только созерцания чужой собственности на Западе, поэтому к началу реформ мы и получили жалкие копии их интеллектуального наблюдения. Наш сегодняшний правящий класс, чиновничество с редкими вкраплениями олигархов, черпают свое вдохновение из классических трудов имперских русских историков. А там нет ничего про частную собственность, а все больше про сословную, суверенную и «пассионарную» бюрократию.

Французский историк Фернан Бродель назвал ситуацию, когда правящий класс монополизирует большую часть собственности в своих руках, препятствует конкурентному перераспределению ее и извлекает из этого привилегированного положения дополнительную прибыль, ситуацией «стеклянного колпака». Вот как ее предельно сфокусировал известный экономист Эрнандо Де Сото: «Этот колпак обращает капитализм в частный клуб, открытый только для привилегированных, вне которого остаются миллиарды разъяренных пролетариев. Эта система капиталистического апартеида будет сохраняться до тех пор, пока мы не сумеем ликвидировать роковые изъяны в правовой и политической системах многих стран, в силу которых большинство населения Земли остается за пределами легальной частной собственности» (Де Сото 2008: 74). Кстати говоря, не стоит забывать, что ни один стеклянный колпак долго не сможет противостоять оружию пролетариата — булыжнику. Даже пусть этот современный пролетариат и ходит в офисы, является мелким собственником или студентом. Буржуазные революции («оранжевые») еще никто не смог отменить.

Безусловно, сегодняшний кризис в России есть комбинация многих факторов: мировых (кризис долгов, падение спроса на сырье) и местных (перепроизводство в одних секторах и недоразвитость в других), но глубина его и острота социального охвата зависит в том числе от обсуждаемой нами темы. Предложенная ниже система мер впервые в нашей стране позволит миллионам людей — на фоне потерь от кризиса — получить собственность и самим сформировать опыт, который «невидимая рука рынка» капитализирует и даст потенциал развития, а большинству людей это даст возможность с уверенностью и твердостью противостоять многим вызовам окружающего мира. Правящему классу данная мера обойдется совсем не дорого, но зато позволит чувствовать себя комфортно и не посылать самолетами «ОМОН» по каждому намеку на социальный катаклизм. Эту систему мер хотелось бы

условно обозначить как *деколлективизация*. Опишем ее последовательные этапы.

Этап первый. В нашей стране миллионы людей обладают садовыми участками и разной степени качества садовой недвижимостью. Эти же миллионы людей не имеют прав собственности на эту землю и свою недвижимость. Существующие законы по «дачной амнистии» настолько традиционно забюрократизированы, что даже опытному предпринимателю, оформлявшему документы через специальную компанию, пришлось ждать полгода и потратить на это 15 тыс. рублей. Много ли граждан найдется, желающих повторить эти процедуры, тем более что само по себе право собственности прибавку к пенсии не дает?

Теперь посмотрим, какие могут возникнуть возможности в случае реализации таких прав на дачную землю и недвижимость: легально оформленная собственность является пригодной в качестве залога по всем видам кредитования. Это немедленно расширит рынок банковского кредитования: кто-то получит возможность качественно благоустроить свой садовый дом, кто-то купит в кредит автомобиль, кто-то оплатит первый взнос за детей на квартиру и т. д. Синергетический эффект для экономики очевиден.

Далее, легальная собственность дает возможность получения статуса регистрации по месту жительства. Не все дачные общества находятся в «медвежьих углах», регистрация дает возможность получения официальных медицинских и социальных услуг, гарантированных государством. Появляется возможность круглогодичного нахождения людей за городом, что, безусловно, будет формировать монетарный спрос в сельской местности и ослабит остроту жилищных проблем в городе. Для этого потребуются корректировка законов и усилия по развитию социальной инфраструктуры.

Мы привели всего лишь два фактора, при желании их можно найти не меньше десятка и при всех вариантах как минимум человек ничего не теряет, а многие только приобретают.

Задача правящего класса: определить для себя этот вопрос как приоритет не меньший, чем пресловутый «третий позиционный район ПРО», внедрить простую и ясную схему приватизации (она есть) и за два года этот вопрос решить. Самое главное, вся приватизация должна пройти за государственный счет, а развитие инфраструктуры — за счет сокращения рядовых чиновников.

Этап второй. В городах нашей страны 19 млн. человек живет без централизованного водоснабжения и канализации в одноэтажных деревянных домах. Дома эти стоят на земле, существующие законы позволяют их приватизировать с землей, но затрат и хлопот — еще больше, чем с дачами. В случае же получения этой земли в собственность появятся следующие возможности:

- многие владельцы получают реальную стоимость своих земельных участков, что позволит некоторым из них переехать в более комфортное жилье;
- появится реальный массовый рынок земли в городах: многие города на 20-30%, а малые города — на 80-90% состоят из таких домов. Цены на землю, безусловно, упадут — вместе с коррупцией на рынке земли;
- ответственные домовладельцы — через систему залогов и, конечно же, с помощью государства (о чем речь будет ниже) — постепенно сформируют спрос на современные малоэтажные дома. Так в наших городах начнет формироваться современная, комфортная жилая среда. Это станет стимулом создания новой, по-современному оснащенной строительной индустрии, которая, в свою очередь, будет способствовать радикальному снижению цен на жилье и в многоэтажном строительстве.

Задача правящего класса здесь понятна, а степень ее приоритетности не меньше, чем проблемы «оранжевых» революций: бесплатная (за государственный счет) и простая схема приватизации, срок — 2-3 года. Естественно, необходимо принятие новых законов, в том числе ясно трактующих, что такое государственный и муниципальный интерес при операциях с землей. Примером может служить законодательство Германии.

Третий этап. Признание прав собственности — как недвижимость — на все «временные сооружения», имеющие признаки капитальных сооружений и отвечающие санитарным и противопожарным нормам. Проведение амнистии на все капитальные сооружения, возведенные «диким» способом (это касается промышленных предприятий, на территории которых велось строительство), разумеется, при условии соблюдения стандартных нормативов (в Казахстане уже второй раз проходит такое признание и амнистия). Такая амнистия дает возможность массовой легализации и капитализации мелких собственников. В стране десятки тысяч объектов, возведенных частными предпринимателями, и все они находятся под перманентной угрозой произвола чиновников. Данная задача по своему приоритету не уступает вниманию к Уго Чавесу, а схема ее проста и стандартна для всей страны. Предприниматели сами оплатят все организационные расходы. Во многих странах массово проводились такие амнистии, необходимо просто внедрить этот опыт.

Этап четвертый. Реальное освобождение малого и среднего бизнеса от «назойливого внимания» государства. Подчеркнем — никакой помощи от государства предпринимателям не надо, на то они и предприниматели, чтобы все свои вопросы решать самостоятельно. «Внимание» государства — вот главная проблема, убивающая малый бизнес, а не угроза экономического кризиса. По данным одной из ведущих мировых консалтинговых компаний «PwC», в рейтинге 181 стран по степени легкости уплаты налогов Россия

заняла: по количеству платежей — 70-е место, по налоговой нагрузке — 123-е, по временным затратам на оформление налоговой документации — 155-е, и т. д. Общий рейтинг — 134-е место. На последнем месте, — пропустив вперед все африканские и азиатские страны, — флагман укрепления «государственности», Республика Беларусь. Несмотря на такое «внимание» государства, в России, по данным «PwC», эффективная ставка (т. е. реально оплаченная) налога на прибыль составляет — 18% при номинальной — 24%. Это самый низкий показатель среди стран G8 и BRIC.

Следовательно, задача правящего класса: реальное приведение нормативной базы к уровню хотя бы Индии и, как следствие, реальное сокращение чиновников, обслуживающих этот процесс. Для этого необходимо сокращение не руководителей — областных, городских, районных, налоговых инспекций и прочих контролирующих инстанций, а именно: сокращение инструкций, показателей, руководителей среднего звена и рядовых «бойцов» укрепления государства на местах. И тут усилия правящего класса должны быть не меньшими, чем в случае противостояния вступлению Украины в НАТО. Эффект будет виден уже через полгода — это сотни тысяч рабочих мест, в том числе и для сокращенного чиновничества.

Этап пятый. Теперь главный вопрос — *вопрос о земле*. Вернее, вопрос о свободном и прозрачном доступе к купле-продаже земли для *основной массы населения нашей страны*. Ведь и сейчас можно купить или продать участок земли, однако данная сделка обставлена обременительными бюрократическими процедурами, в большинстве случаев сводящими на нет операции с землей. По данным газеты «Ведомости» 21.07.2008 г., для оформления права аренды необходимо от 150 до 420 дней, для оформления купли-продажи необходимо от 60 до 210 дней. Все это — без учета отсутствия ясных механизмов и понятных публичных правил (про механизмы ценообразования мы вообще умалчиваем). Фактически рынок земли, в общепринятом понимании, отсутствует. Обратите внимание: в специализированных изданиях практически отсутствуют предложения о продажах земельных участков, в то время как в соседнем Казахстане таких предложений — не менее половины издания. По официальным данным в коммерческом обороте (то есть когда сменился первоначальный хозяин, включая государство) участвовало всего 7% земельных участков от кадастрового учета.

Реальная реализация прав на доступ к рынку земли, особенно земельных участков сельхозназначения, должна предвлекаться большой *общественной дискуссией*, с использованием всех накопленных медиаресурсов государства, а организационные затраты правящего класса на пропаганду и разъяснение этой исторической необходимости, а затем законодательская работа должны быть соизмеримы с обсуждением проблем «третьего срока».

Рассмотрим возможные предложения для обсуждения:

- законодательные нормы должны ориентироваться не на англосаксонскую модель, а на континентально-европейскую, например, на законодательство Германии. Немцы сами 60 лет назад выходили из социализма Гитлера, у них по этой части накоплен прекрасный опыт;
- законодательные нормы должны особым способом защищать первоначальных собственников земли — наших крестьян и их потомков в первом поколении, живущих в городах. Без этого важного дополнения понятие «справедливо» не будет работать, а значит, и не будет внутреннего согласия большинства населения нашей страны. Учитывая длительный исторический опыт несправедливого отношения правящего класса к своему народу, а также патриархально-православное восприятие реальности большинством нашего населения, это понятие стало доминантным в нашем психологическом настрое;
- для недопущения обрушения худо-бедно, но все же реально действующих бывших колхозов и совхозов, к свободной продаже не в целях сельскохозяйственного использования может быть представлена только та земля, которая, например, не обрабатывалась минимум 5 лет. Такой земли — миллионы гектаров;
- у каждого нынешнего крестьянина есть так называемое личное подворное хозяйство, при среднем нормативе — 1,5 гектара. Эта земля должна быть за государственный счет передана в частную собственность крестьян;
- правом владения землей должны обладать только граждане России и бывшие граждане СССР, чьей исторической Родиной является Россия (так называемые русскоязычные). Нельзя допустить, чтобы сегодняшние «гастарбайтеры» имели возможность укоренения в нашей стране. Лидерство в политкорректности в этих вопросах давайте предоставим более благополучным странам.

Кроме того, формирование цивилизованного рынка земли невозможно без изменения налогового законодательства. Необходимо введение налога на куплю-продажу земли, введение сбора за смену владельца арендного участка. Во многих странах эти нормы составляют 18-20% от сделки. При введении прогрессивного налога на имущество, в том числе земельного, первоначальный владелец платит копейки, последующие — более значительные суммы и т. д. Все эти налоговые поступления остаются на местах. Городские районные администрации получают статус юридического лица и работают по Бюджетному кодексу. Только такая модель может стать основой для последующего местного самоуправления европейского типа. Только тогда станут понятными идеи Столыпина, и так и не понятого нами сегодня Солженицына, только так мы сможем избавиться от безграничной веры в «госу-

дарственную власть» и обрести способность к свободной самоорганизации через местное самоуправление, а затем убедимся, что государство не обладает абсолютной ценностью и функции у него чисто служебные: обеспечение «моральных и реальных жизненных благ».

Государству придется создать единую систему регистрации (во всех смыслах) прав собственности и учета арендованного имущества (включая землю), стандартизированную и легкодоступную. Так как это придется делать в динамическом режиме, это даст дополнительный толчок и для закупок современных отечественных суперЭВМ и запуска космических технологий учета и контроля.

Успешное проведение земельной реформы будет весьма затруднено, если местному политическому классу — легально, на уровне федерального закона — не будут предоставлены особые земельные преференции. Губернаторам и их замам, мэрам и их замам, главам сельских и городских администраций и их замам, назначенным или выбранным — только за факт назначения на должность предоставляется государством или муниципалитетом в частную собственность определенное количество земли. Именно эти люди определяют реальную политику на местах, именно от их ежедневного труда будет зависеть реальное благополучие проводимых преобразований.

Этап шестой. Параллельно с решением вопроса о земле появятся реальные предпосылки для решения главного социального вопроса — жилищного кризиса, который в нашем понимании гораздо страшнее нынешнего экономического кризиса. Он нами унаследован от социализма. Подлинный переход от пережитков традиционного общества к современному постиндустриальному состоянию, к инновационной экономике невозможен там, где в очереди на жилье стоит 4,5 миллиона семей, когда срок ожидания жилья — 15-20 лет, где для удовлетворения жилищной потребности населения требуется увеличить жилфонд почти на 50%. Такое общество совершенно не стабильно, оно обречено на социальные потрясения, оно всего в одном шаге от хаоса.

В ситуации преодоления жилищного кризиса правящему классу придется приложить усилия, сопоставимые с сопротивлением движению НАТО на Восток, и прекратить словесно «пугать» Америку страшными карами в виде «Искандеров» и «Булав», одновременно задабривая их политический класс — вкладывая, например, за один только 2007 г. до 100 млрд. долларов в американские государственные ипотечные бумаги. Можно, не мудрствуя лукаво, взять немецкое законодательство о строительстве и просто его скопировать. Там уже содержатся ответы на все вопросы. Там очень четко прописано, что такое государственный и муниципальный интерес, что такое социальное жилье и каковы признаки его классификации, что делать с частными землями при массовой социальной застройке (разграничены понятия

«владение» и «пользование»). А самое главное — полностью скопировать их *государственную ипотечную программу*. Она настолько эффективна, что тот ипотечный кризис, который бушует во всем западном мире, практически обошел Германию стороной. Третье — необходимо вернуть те 100 млрд. долларов и вложить их в течение нескольких лет в российское государственное ипотечное кредитование, основанное на истинно бюргерской рачительности.

Учтем еще один момент. В западных странах жилье, кроме элитного и социального — малоэтажное. В мире разработано немало технологий, позволяющих строить быстро, качественно, эксплуатировать экономно и жить комфортно. Все это к нам сюда принесут наши российские предприниматели, властям необходимо лишь создать законодательные условия и через государственную ипотеку сформировать конечный спрос. После расчета по ипотеке с государством дом и земельный участок должны переходить в частную собственность владельца. Постепенно «невидимая рука» рынка, ведомая юридическими формулировками и российскими «Феа Мэями», преобразует наши городские деревянные «Шанхай» в зоны комфортного проживания. За частоколом наших бетонных окраин появится одноэтажная Россия в виде современных поселков, местами сливающихся с бывшими дачными обществами. Для этого не потребуется строить новые ТЭЦ и электростанции и «осваивать» сотни километров траншей теплотрасс — современные технологии научились решать эти вопросы, их надо просто освоить.

Вызовы нашего существования не позволяют нам расслабляться. Если наш правящий класс в очередной раз не видит, что его идеологические приоритеты и подходы к управлению откровенно *иррациональны*, если он не готов поделиться всего лишь частью собственности, прекратить заниматься демагогией и строить очередное «азиатское государство», значит, придет *новый* правящий класс. Сегодняшняя стратегия и тактика — обсуждать и транслировать данную тему, говорить об этом, о новых законах, о новых идеях и технологиях, о том, в какой последовательности принимать решения. Наши интеллектуалы наконец должны договориться между собой по главным вопросам. Как когда-то польская «Солидарность», сидя под «домашним арестом», решила *технологию перехода* и возвращения в Европу.

Если же правящий класс найдет в себе силы вернуться к *рациональности*, то кризис — самое время конвертировать общественную депрессию в революцию действий. *Деколлективизация — обретение собственности основной массой нашего населения* — сама по себе есть немаленькая ступенька возвращения нас в *Европу*, восстановления связи времен, преодоления 70-летнего исторического регресса в развитии Русской Цивилизации.

Массовая легальная собственность — это выстраивание множества единых, стандартных, одинаково трактуемых — вне зависимости от социально-

го, регионального, религиозного статуса — горизонтальных юридических, социальных, экономических коммуникативных связей между гражданами единой страны. Это один из немаленьких кирпичиков становления наконец-то единой российской нации. Точно так же немцы, французы, англичане стали нациями в XIX в., когда появилась и закрепилась массовая легальная собственность, постепенно конвертируемая в устоявшиеся политические формы.

Обладание собственностью формирует, прежде всего, ответственность в виде рационального поведения, самоконтроля и дисциплины в целях сохранения этой собственности. Вспомним: во всех устойчивых демократиях Запада избирательные права сначала получали только люди с имущественным статусом или образованием (не считая правящего класса — дворян), и именно они сформировали спрос на демократические институты. Смешно сегодня вводить ограничения в современную избирательную систему, но массовая легальная собственность — верный шаг в построении гражданского общества.

Массовая легальная собственность помогает формировать особую городскую культуру, культуру сосуществования большого количества людей в ограниченном пространстве. Владелец собственности вряд ли позволит кому-то, к примеру, мусорить на своей территории. Сегодня же сосуществование людей в городах без частной собственности — с присущей ей особой горизонтальной коммуникативностью — ведет, несмотря на десятилетия казенного коллективизма, к дикой индивидуализации и автоматизации людей, т.е. к разложению не только городской, но и вообще культуры как таковой.

Оформленная собственность является не только накоплением запаса активов, но и повышает необходимость к созданию сбережений, увеличивает степень защищенности от внешней среды, выстраивает иерархию подотчетности ее владельцев.

Обладание массовой собственностью позволит наконец подступить к решению и другого «вечного русского вопроса» — свободы или воли. Еще раз обратимся к Ф. Броделю: «Необходимо также уточнить, что же мы понимаем под понятием “свобода”. Это не только личная свобода, являющаяся мерилем сегодняшнего “свободного мира”. <... > Характерно, что в Средние века гораздо чаще говорилось о свободах, чем о свободе. Употребляемое во множительном числе, это слово не отличалось по смыслу от слова “привилегия”. Свободы рассматривались как совокупность франшиз, привилегий, защищавших интересы тех или иных общин, которые пользовались этими привилегиями, чтобы набраться сил и выступить против других групп» (Бродель 2004: 312). Если посмотреть протоколы английского парламента начиная с первого заседания 1265 г., это скучнейшие бесконечные дебаты о налогах, сборах, правах на монополию, пошлинах и наделах, кому это должно

достаться — королю (то есть государству) или другим сословиям. В парламенте Нидерландов в первой трети XVII в. уже обсуждают фьючерсы и ставки по ним. В «Хартии вольностей» или в «Магдебургском праве» нет ни слова о «правах человека» и «общечеловеческих ценностях» — в эти времена с энтузиазмом жгли ведьм на кострах — все только о «правах собственности». И эти права постепенно изменили социальные институты, включая и религиозные, а затем и политические, и одновременно изменили и саму природу западного человека. Можно согласиться с безапелляционным утверждением В. Булдакова: «Наконец, никакой политической механизм выхода из авторитаризма в России не сработает — это может произойти лишь на антропологическом уровне» (Булдаков 2007: 132). Условие антропологических изменений, на наш взгляд, как раз и коренится в реформе собственности.

Литература

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2004.

Булдаков В. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М.: Росспэн, 2007.

Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М. Олимп- Пресс, 2004.

Ильин С. Витте. М.: Молодая гвардия, 2006.

Коцюнис Я. Как крестьян делали отсталыми. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Локк Д. Два трактата о правлении М.: Канон плюс, 2009.

Миронов Б. Интервью // Эксперт. 2008. № 43.

Струве П. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952.